

Тулеев М.С.*¹

¹ Академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан

г. Алматы, Казахстан

*e-mail: muratkemer65@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ К ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ 2021 ГОДА

Аннотация

В статье оценивается, насколько действующая в Центральной Азии система противодействия терроризму отвечает изменениям угроз, проявившимся после 2021 года. В центре анализа находятся четыре механизма риска: трансграничное влияние афганской нестабильности, сетевое вовлечение, распространение пропаганды в цифровой среде и возвращение граждан из зон конфликтов. Они сопоставляются с пятью функциями государственных и общественных институтов: выявлением угроз, межведомственной координацией, профилактикой, реабилитацией и оценкой результатов. Исследование проведено в форме структурированного обзора и сравнительного анализа 61 открытого научного и институционального источника, опубликованного в 2005-2026 годах; основную часть выборки составили материалы 2021-2026 годов. Сведения кодировались по единой аналитической схеме, а выводы уточнялись путем сопоставления научных работ, правовых актов и отчетов международных организаций. Анализ показывает, что редкие зарегистрированные атаки сами по себе не свидетельствуют о низкой уязвимости региона. После 2021 года заметнее стали риски, связанные с внешними сетями, дистанционной коммуникацией, мобильностью и подготовкой операций за пределами страны гражданства. При этом правовые и координационные механизмы менялись быстрее, чем оценка профилактических программ, межсекторная реинтеграция и развитие правовых гарантий. Научная новизна исследования заключается в оценке соответствия между конкретными механизмами угрозы и функциями институционального ответа. Предложенная матрица позволяет отделить наличие меры от подтвержденного результата ее применения.

Ключевые слова: Центральная Азия, международный терроризм, ИГИЛ-Хорасан, профилактика экстремизма, региональная безопасность, институциональная адаптация

М.С. Тулеев^{1*}

¹ Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитетінің академиясы

Алматы қ., Қазақстан

*e-mail: muratkemer65@mail.ru

2021 ЖЫЛДАН KEЙІН ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ТЕРРОРИСТІК ҚАУІПТЕРДІҢ ӨЗГЕРУІНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ БЕЙІМДЕЛУ

Аңдатпа

Мақалада Орталық Азиядағы терроризмге қарсы іс-қимыл жүйесінің 2021 жылдан кейін өзгерген қауіптерге қаншалықты бейімделгені бағаланады. Талдау тәуекелдің төрт тетігіне бағытталған: Ауғанстандағы тұрақсыздықтың трансшекаралық ықпалы, желілер арқылы тарту, цифрлық ортада насихат тарату және қақтығыс аймақтарынан азаматтардың оралуы. Бұл тетіктер институттардың бес қызметімен салыстырылды: қауіпті анықтау, ведомствоаралық үйлестіру, алдын алу, оңалту және нәтижелерді бағалау. Зерттеу 2005-2026 жылдары жарияланған 61 ашық ғылыми және институционалдық дереккөзді құрылымдалған шолу және салыстырмалы талдау түрінде жүргізілді; іріктеменің басым бөлігін 2021-2026 жылдардағы

материалдар құрады. Деректер бірыңғай талдау сызбасы бойынша кодталып, ғылыми еңбектер, құқықтық актілер мен халықаралық ұйымдардың есептері өзара салыстырылды. Нәтижелер тіркелген шабуылдардың сирек болуы өңірдің осалдығы төмен дегенді білдірмейтінін көрсетті. 2021 жылдан кейін сыртқы желілерге, қашықтан байланысқа, мобильдікке және азаматтығы бар елден тыс операция дайындауға қатысты тәуекелдер айқынырақ байқалды. Құқықтық және үйлестіру тетіктері алдын алу бағдарламаларын бағалау, салааралық реинтеграция және құқықтық кепілдіктерге қарағанда жылдамырақ өзгерген. Зерттеудің ғылыми жаңалығы нақты қауіп тетіктері мен институционалдық жауап қызметтерінің өзара сәйкестігін бағалауда. Ұсынылған матрица қабылданған шара мен оның дәлелденген нәтижесін ажыратуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Орталық Азия, халықаралық терроризм, ИШИМ-Хорасан, экстремизмнің алдын алу, өңірлік қауіпсіздік, институционалдық бейімделу

M.S. Tuleyev^{1*}

*1 Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan*

**e-mail: muratkemer65@mail.ru*

INSTITUTIONAL ADAPTATION TO THE TRANSFORMATION OF TERRORIST THREATS IN CENTRAL ASIA AFTER 2021

Abstract

This article examines how far Central Asia's counter-terrorism system has adapted to changes in the threat environment since 2021. The analysis focuses on four risk mechanisms: the cross-border effects of instability in Afghanistan, recruitment through dispersed networks, the circulation of digital propaganda, and the return of citizens from conflict zones. These mechanisms are compared with five institutional functions: detection, interagency coordination, prevention, rehabilitation, and outcome evaluation. The study combines a structured review with a comparative analysis of 61 open academic and institutional sources published between 2005 and 2026, most of them from 2021-2026. Evidence was coded using a common analytical framework, while findings were checked across scholarly research, legislation, and reports by international organizations. The results show that a low number of recorded attacks does not in itself indicate low regional vulnerability. Since 2021, risks linked to external networks, remote communication, mobility, and operational planning outside the country of citizenship have become more visible. Legal and coordination mechanisms have adjusted more rapidly than evaluation of prevention programs, cross-sector reintegration, and rights safeguards. The article contributes an assessment of the correspondence between specific threat mechanisms and institutional response functions. Its matrix distinguishes the adoption of a measure from demonstrated evidence of its effects.

Keywords: Central Asia, international terrorism, Islamic State Khorasan Province, prevention of extremism, regional security, institutional adaptation

Введение

Смена власти в Афганистане в августе 2021 года заметно повлияла на обстановку вокруг Центральной Азии, однако не сопровождалась одинаковым ростом числа терактов во всех пяти государствах региона. Расхождение между изменившейся средой безопасности и статистикой нападений составляет исходную проблему исследования. Событийные базы учитывают только эпизоды, отвечающие установленным критериям, тогда как вербовка, финансирование, подготовка и перемещение участников могут происходить в других юрисдикциях. Кроме того, глобальные индексы и базы различаются по определениям, временному охвату и правилам включения событий (ACLED, 2025; Institute for Economics &

Peace, 2025; Li et al., 2021; START, 2022). По этой причине небольшое число зарегистрированных атак еще не исключает транснациональной уязвимости.

Особое место в этой среде занимает "Исламское государство - провинция Хорасан" (ИГИЛ-Х). Организация сочетает присутствие в Афганистане с многоязычной пропагандой, рассредоточенными сетями сторонников и подготовкой внешних операций. Ее противостояние с движением "Талибан" сдерживает часть активности, но не устраняет риски для соседних стран и меняет способы их распространения (Campbell et al., 2024; Omarkhail & Liu, 2023; Raza, 2025; United Nations Security Council, 2024). Существенную роль играют миграционные маршруты, диаспоральные связи и цифровые контакты, которые выходят за пределы одной территории. Поэтому меры безопасности должны учитывать не только деятельность вооруженной группы, но и последовательность переходов от пропагандистского воздействия к поддержке, содействию и насилию.

Государства Центральной Азии отвечают на эти изменения по-разному. Пограничный контроль, правовое регулирование, оперативный обмен информацией и сотрудничество с зарубежными партнерами развиваются преимущественно в рамках силовых ведомств. Профилактика и реабилитация возвращенных граждан устроены сложнее: они требуют согласованной работы школ, медицинских и социальных служб, местных органов власти и общественных организаций. Именно здесь особенно заметна разница между принятием стратегии и ее фактическим результатом. Наличие программного документа само по себе не показывает, охватывает ли программа нужные группы, снижает ли риск и сохраняет ли доверие местных сообществ (Orumbayeva et al., 2025; OSCE, 2014; Schmid, 2021).

Региональная литература подробно рассматривает идеологические, социальные и геополитические факторы радикализации, деятельность отдельных организаций и национальные меры противодействия. Гораздо меньше внимания уделяется вопросу о том, какая именно функция государства отвечает на конкретный механизм угрозы. Без такого сопоставления исследование легко превращается в перечень факторов или в общий рейтинг опасности. Между тем хорошо организованный пограничный контроль может сочетаться со слабой оценкой реинтеграционных программ, а эффективное пресечение - с недостатками ранней профилактики. Сравнительный анализ должен отражать эти сочетания, а не сводить различия между странами к одной шкале.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить, насколько система противодействия терроризму в Центральной Азии соответствует характеру угроз, сложившемуся после 2021 года. Основной вопрос сформулирован так: какие функции национального и регионального ответа уже учитывают сетевые, трансграничные и цифровые формы риска, а в каких областях сохраняется несоответствие? Проверяются две гипотезы. Согласно Н1, статистика внутренних инцидентов занижает общую уязвимость, поскольку часть деятельности переместилась во внешние сети, цифровую среду и транснациональные маршруты. Согласно Н2, адаптация идет неравномерно: координация и пресечение развиваются быстрее, чем профилактика, реинтеграция, независимая оценка и правовые гарантии.

Научная новизна работы связана с трехуровневой матрицей институционального соответствия. В ней национальные меры, региональный обмен и взаимодействие с международными организациями сопоставлены с четырьмя механизмами риска и пятью функциями ответа. Работа развивает предыдущие исследования автора о террористических угрозах в Центральной Азии, но отличается от них предметом, временными рамками и способом анализа (Tuleyev et al., 2025; Tuleyev, 2026a; Tuleyev, 2026b). Практическое значение матрицы состоит в том, что она позволяет отдельно оценивать принятую меру и доступные подтверждения ее результата.

Обзор литературы

Исследования радикализации не выявили единого пути, который неизбежно ведет к террористическому насилию. Модель "лестницы" описывает постепенное сужение воспринимаемых альтернатив, а многоуровневые подходы прослеживают изменения на индивидуальном, групповом и общественном уровнях (McCauley & Moskalenko, 2008; Moghaddam, 2005).

Обзорные работы объясняют радикализацию сочетанием структурного давления, привлекательности группы и личных обстоятельств, одновременно предостерегая от механического суммирования факторов риска (Hafez & Mullins, 2015; Vergani et al., 2020; Wolfowicz et al., 2021). Религиозность, социальное недовольство или психологические трудности по отдельности недостаточны для объяснения насилия. Следовательно, профилактика должна быть адресной, а инструменты оценки риска - проверенными и ограниченными понятными правилами применения.

Цифровые платформы облегчают доступ к пропаганде, поиск единомышленников и поддержание связей между странами. Однако само присутствие в интернете не объясняет переход к насилию. Значение имеют интенсивность вовлечения, сочетание онлайн- и офлайн-контактов, кризисные события и способность конкретной сети превращать интерес в действие (Binder & Kenyon, 2022; Kenyon et al., 2023; Molmen & Ravndal, 2023). Исследования медиаресурсов ИГИЛ показывают, что официальные материалы дополняются продукцией сторонников, а знакомые сюжеты приспосабливаются к новым аудиториям (Karimi et al., 2024; Mitts et al., 2022; Qi, 2024). За последние два десятилетия эта деятельность переместилась с отдельных сайтов и форумов в подвижную платформенную среду: после блокировки канала аудитория переходит на другие площадки, а распространение контента становится более дробным (Rothut et al., 2026; Winter et al., 2020).

Для Центральной и Южной Азии особенно значима многоязычная медиасреда, связывающая Афганистан, Пакистан, Турцию и мигрантские сообщества. Радикальные организации соперничают не только за сторонников, но и за право истолковывать местные конфликты через глобальные идеологические сюжеты (Baruah, 2025; Basit, 2023; Neumann et al., 2025). Поэтому мониторинг не может ограничиваться подсчетом публикаций и просмотров. Необходимо учитывать перевод материалов, их повторное размещение, переход к личному контакту и признаки операционного содействия. Блокировка отдельного канала уменьшает доступность его сообщений, но не обязательно разрушает сеть контактов или меняет мотивацию аудитории (Madriaza et al., 2025a; Pashentsev & Bazarkina, 2021).

В исследованиях Центральной Азии заметны две взаимодополняющие позиции. Авторы критического направления возражают против отождествления консервативной религиозности с готовностью к насилию и показывают, что слишком широкие категории стирают важные политические и социальные различия (Heathershaw & Montgomery, 2014; Shukuralieva & Lipinski, 2021). Другие работы обращают внимание на реальные сетевые риски, которые по-разному проявляются в отдельных странах. На материалах Казахстана и региона вовлечение объясняется сочетанием групповых связей, биографических кризисов, поиска статуса, медиавоздействия и внешней организационной поддержки (Akhtantayeva & Mussabekova, 2024; Gergilev & Izluchenko, 2024; Sharipova & Beissembayev, 2023). На восприятие безопасности влияет и публичное освещение угроз: оно может поддерживать осведомленность, но при неточных формулировках усиливает стигматизацию (Saliev, 2024; Sharipova & Kudabayeva, 2026).

Последствия афганских событий 2021 года оцениваются неоднозначно. Одни авторы подчеркивают политическую неопределенность, гуманитарный кризис и сохранение вооруженных групп; другие отмечают заинтересованность соседних стран в прагматичном взаимодействии с Кабулом (Modebadze, 2022; Plastun, 2021; Stepanova, 2022). Продолжающееся противостояние ИГИЛ-Х и "Талибана" не исключает использования афганской территории как части более широкой транснациональной сети. Поэтому перед государствами Центральной Азии одновременно стоят задачи охраны границ, работы с гражданами за рубежом, проверки международных контактов и поддержания дипломатических каналов. Исследования Таджикистана и Узбекистана также показывают, что внутреннее давление на радикальные сети иногда вытесняет их активность за рубеж, но не прекращает ее полностью (Kosmyinka, 2025; Pantucci, 2024; Soliev & Pantucci, 2021).

Террористические сети могут пользоваться теми же маршрутами, что и другие виды незаконной мобильности, однако совпадение маршрутов еще не доказывает прямой связи между ними. Так, влияние афганского наркотрафика на террористическое насилие зависит от конкретных условий и не воспроизводится одинаково во всех случаях (Omelycheva & Markowitz, 2019). Концепция "серого носорога" помогает обратить внимание на редкие события с тяжелыми последствиями, но не должна служить оправданием постоянного режима максимальной тревоги (Kuznar & Day, 2022). Исследования возвращения иностранных боевиков и регионального сотрудничества показывают необходимость согласовывать меры безопасности, социальную поддержку и обмен данными (Sarybayev et al., 2026; Tanaka, 2026; Tucker, 2022).

Значительная часть литературы посвящена профилактике и реинтеграции. Опыт Кыргызстана свидетельствует, что участие местных сообществ не возникает автоматически вслед за внешним финансированием. На местах программы приспосабливаются к собственным потребностям, переосмысливаются, а иногда встречают сопротивление (Pierobon, 2021; Pierobon, 2022). Международные рекомендации подчеркивают общественную направленность профилактики, четкое разграничение помощи и уголовного преследования, а также защиту прав участников (OSCE, 2014; Schmid, 2021). Женщинам и детям, возвращенным из Сирии и Ирака, требуются индивидуальные маршруты сопровождения, включающие вопросы безопасности, образования, здоровья и семейной поддержки (Ellis et al., 2024; UNICEF, 2023).

При этом эффективность профилактических и реинтеграционных программ подтверждена неравномерно. Систематические обзоры указывают на ограничения инструментов оценки риска, несопоставимость конечных показателей и недостаток исследований с надежным дизайном (Hassan et al., 2022; Madriaza et al., 2025b). Неоднозначна и связь психического здоровья с насильственным экстремизмом: диагноз нельзя использовать как самостоятельный признак опасности (Gill et al., 2021). Поэтому зрелость институтов целесообразно оценивать по качеству данных, правилам направления к помощи, возможности пересмотра решений и опубликованным результатам, а не только по числу законов, учений и мероприятий. В настоящей работе институциональное соответствие понимается как ситуация, при которой функция ответа направлена на определенный механизм риска, согласована с другими функциями и допускает проверку результата.

Методология исследования

Работа построена как структурированный обзор открытых источников с последующим сравнительным анализом пяти государств Центральной Азии. Такой подход обусловлен фрагментарностью сопоставимых сведений о предотвращенных эпизодах, оперативных мероприятиях и индивидуальных траекториях. Он не позволяет оценить скрытую численность участников террористических организаций или установить причинный эффект отдельной государственной программы. Анализ решает более ограниченную задачу: определяет, какие механизмы угрозы описаны после 2021 года, какие институциональные функции им соответствуют и в каких случаях открытые данные подтверждают лишь наличие меры, но не ее результативность.

В выборку вошел 61 источник, опубликованный в 2005-2026 годах. Основу составили материалы 2021-2026 годов, отражающие ситуацию после смены власти в Афганистане и современную цифровую среду. Более ранние работы использовались для раскрытия теоретических механизмов радикализации, базовых принципов профилактики и устойчивых методологических ограничений. Материалы были распределены по четырем группам: рецензируемые исследования; документы ООН и других международных организаций; национальные стратегии и правовые акты; стандартизированные событийные базы вместе с их кодексами. Помимо источников по пяти центральноазиатским государствам учитывались исследования внешних узлов, непосредственно связанных с регионом.

Источник включался в выборку, если он был непосредственно связан с терроризмом или насильственным экстремизмом, описывал механизм угрозы, работу института либо способ измерения и содержал проверяемые библиографические сведения. Не включались новостные сообщения, не опиравшиеся на первичный документ, тексты без установленного авторства и

количественные оценки с неописанной методикой. Также исключались публикации, в которых религиозная идентичность сама по себе трактовалась как признак опасности. Национальные документы служили подтверждением правового мандата, но не рассматривались как свидетельство эффективности. Сообщения о задержаниях учитывались отдельно от завершённых атак и не использовались для ранжирования стран.

Единицей анализа было сочетание трех элементов: механизма угрозы, функции ответа и открытого свидетельства. Рассматривались четыре механизма: трансграничное влияние афганской нестабильности; распределенные сети участников и посредников; цифровое распространение и дистанционная коммуникация; возвращение и последующая реинтеграция граждан из зон конфликтов. С ними сопоставлялись выявление угроз, межведомственная координация, профилактика, реабилитация и оценка результатов. Отдельно отмечались правовые гарантии, поскольку чрезмерно широкое толкование риска может снижать доверие и препятствовать своевременному обращению за помощью.

Материалы кодировались в два этапа. Сначала каждое значимое утверждение соотносилось со страной, институциональным уровнем и механизмом угрозы. Затем устанавливался тип основания: нормативный акт, описание процесса, зарегистрированный результат или интерпретация автора источника. В сравнении использовались три категории. Оценка "документировано" присваивалась, когда функция и ее применение подтверждались источниками разных типов; "частично документировано" - когда была подтверждена сама мера, но сведения о реализации или результате оставались ограниченными; "недостаточно открытых данных" - когда доступных материалов не хватало для устойчивого вывода. Категории отражают качество открытых подтверждений, а не общую эффективность государства.

Таблица 1

Критерии анализа институционального соответствия

Аспект анализа	Наблюдаемые признаки	Критерий соответствия	Предел интерпретации
Механизм угрозы	Афганский фактор; сети; цифровая среда; возвращение граждан	Мера направлена на конкретный путь формирования риска	В одном эпизоде могут сочетаться несколько механизмов
Функция ответа	Выявление; координация; профилактика; реабилитация; оценка	Определены мандат, процедура, ответственный субъект и межведомственные связи	Формальный мандат не подтверждает результат
Уровень взаимодействия	Национальный; региональный; международный	Предусмотрена передача информации и сопровождение случая между уровнями	Закрытая часть обмена недоступна для анализа
Качество данных	Норма; процесс; результат; независимая оценка	Вывод подтверждается источниками нескольких типов	Объем публичных сведений различается по странам
Правовые гарантии	Ясность критериев; соразмерность; защита данных; обжалование	Решение о риске ограничено процедурой и может быть пересмотрено	Нормативный текст не показывает практику его применения

Примечание. Категории используются для сравнения открытых подтверждений и не образуют количественного индекса эффективности.

Все пять стран сравнивались по одинаковым вопросам: какой канал риска чаще всего описывается в открытых источниках, какая функция ответа получила наиболее ясное

подтверждение и каких данных не хватает. Разные типы материалов использовались по их назначению. Событийные базы помогали разграничивать определения и фиксировать наблюдаемое насилие, научные публикации - объяснять механизмы, правовые акты - устанавливать полномочия, а международные отчеты - анализировать сотрудничество и реинтеграцию (U.S. Department of State, 2024; United Nations Office of Counter-Terrorism, 2022). Если источники расходились, это отмечалось как ограничение; преимущество не отдавалось автоматически наиболее высокой оценке угрозы.

Сопоставимость поддерживалась единым набором вопросов и отдельной фиксацией фактов, интерпретаций и пробелов в данных. Вместе с тем все материалы кодировал один автор, поэтому межэкспертное согласие не оценивалось. Различия в публичности статистики особенно осложняют сравнение Туркменистана с другими странами. Выборка также содержит больше русскоязычных и англоязычных публикаций, чем работ на национальных языках. Таким образом, результаты представляют собой проверяемую карту открытых данных, а не исчерпывающую оценку всей оперативной обстановки.

Результаты

Изменение характера угроз

Сопоставление источников выявило заметное расхождение между зарегистрированным насилием и условиями, в которых формируется риск. Открытые базы не фиксируют устойчивой волны терактов, одинаково затронувшей все пять стран. В то же время научные и институциональные материалы регулярно указывают на близость к афганской зоне конфликта, участие выходцев из региона в транснациональных сетях, многоязычную пропаганду и подготовку операций за пределами страны гражданства. Это поддерживает Н1 в ее ограниченной формулировке: одного подсчета внутренних инцидентов недостаточно для оценки уязвимости. Однако такой вывод не означает неизбежности будущих атак и не дает оснований оценивать скрытую численность участников по отдельным задержаниям.

Влияние афганской нестабильности передается по нескольким каналам. Для Таджикистана и Туркменистана первостепенное значение имеет общая граница. Для Казахстана и Кыргызстана важнее транзит, миграционные связи, цифровая коммуникация и возвращение граждан. В Узбекистане вопросы приграничной дипломатии сочетаются с историческими сетями и развитой профилактической инфраструктурой. Соперничество ИГИЛ-Х с "Талибаном" ограничивает действия обеих сторон, но одновременно поддерживает насильственную среду и конкуренцию в сфере пропаганды (Modebadze, 2022; Omarkhail & Liu, 2023; Stepanova, 2022). Поэтому удаленность от Афганистана уменьшает только часть рисков.

Еще одна особенность заключается в том, что гражданство участника, место его вовлечения, планирования и совершения атаки все чаще не совпадают. Исследования внешних операций ИГИЛ-Х, в том числе связей через Турцию, показывают, как посредники и маршруты перемещения соединяют несколько юрисдикций (Campbell et al., 2024; Neumann et al., 2025). В результате национальная статистика может зафиксировать нападение в одной стране, хотя предшествующие контакты проходили на цифровых платформах, вдоль миграционных маршрутов и внутри личных сетей в других государствах. При этом заявление организации об ответственности следует отличать от доказанной операционной связи с исполнителями (Baruah, 2025).

Цифровая пропаганда выполняет не только информационную функцию. С ее помощью организации находят восприимчивую аудиторию, поддерживают групповую идентичность и переводят публичное общение в более закрытые каналы. Вместе с тем знакомство с таким контентом нельзя приравнивать к готовности совершить насилие. Эмпирические и обзорные исследования указывают на роль интенсивности участия, социальных связей и биографических обстоятельств (Binder & Kenyon, 2022; Kenyon et al., 2023; Madriaza et al., 2025a). Практический ответ должен сочетать техническое ограничение распространения с адресной профилактикой, не превращая широкие группы пользователей в объект необоснованного подозрения.

Страновые различия в угрозах и мерах ответа

Общая региональная обстановка проявляется в каждой стране по-своему. В таблице 2 сопоставлены наиболее заметный канал риска, подтвержденные возможности ответа и пробелы в открытых данных. Это не рейтинг опасности и не замена национальной оценке рисков. Формулировки отражают темы, которые устойчиво повторяются в проанализированных источниках. Недостаток публичных сведений означает только ограниченность анализа и не доказывает отсутствия мер либо их неэффективности.

Таблица 2

Сравнительные профили пяти государств Центральной Азии

Страна	Наиболее заметный канал риска	Подтвержденные возможности ответа	Основной пробел в открытых данных
Казахстан	Цифровые и транснациональные связи; возвращение граждан и семей	Опыт репатриации; межведомственное сочетание мер безопасности и социальной поддержки	Долгосрочные данные о реинтеграции и сопоставимые показатели профилактики
Кыргызстан	Мобильность; местные сети; цифровая коммуникация	Участие гражданского общества и практики профилактики на уровне сообществ	Устойчивость проектов после завершения внешнего финансирования; оценка местных результатов
Таджикистан	Общая граница с Афганистаном; внешние сети граждан и диаспор	Пограничная и межведомственная координация; обновленное законодательство	Ясность критериев риска; независимая оценка; правовые гарантии
Туркменистан	Афганская граница; региональная мобильность	Физическая охрана границы и централизованный государственный контроль	Открытые сведения о профилактике, зарегистрированных случаях и результатах
Узбекистан	Афганский фактор; возвращение граждан; исторические транснациональные сети	Национальная стратегия 2021-2026; местная профилактика; региональная дипломатия	Сопоставимые показатели; публичная оценка результатов и реинтеграционных маршрутов

Примечание. Таблица отражает основные акценты открытых источников, а не полный перечень угроз и не рейтинг эффективности. Источники: (Pantucci, 2024; Pierobon, 2021; President of the Republic of Uzbekistan, 2021; Republic of Tajikistan, 2021; UNICEF, 2023).

По Казахстану наиболее подробно описано сочетание транснациональных рисков с репатриацией и последующей реинтеграцией. Исследователи объясняют вовлечение совокупностью личных, групповых и средовых обстоятельств, что обосновывает участие не только силовых, но и социальных институтов (Sharipova & Beissembayev, 2023; Tuleyev et al., 2025). Вместе с тем в открытом доступе мало унифицированных данных о возвращении в систему образования, трудоустройстве, устойчивости семейной поддержки и отдаленных результатах программ. Накопленный практический опыт нуждается в дополнении обезличенными сводными показателями и понятным описанием методики их расчета.

В Кыргызстане значительную роль играют общественные организации и международные программы. Местные участники приспособливают профилактические

подходы к потребностям сообществ, хотя зависимость от сроков проектов и приоритетов доноров затрудняет их устойчивое продолжение (Pierobon, 2021; Pierobon, 2022). Для Таджикистана общая граница с Афганистаном и внешняя активность отдельных граждан повышают значение пограничного контроля и оперативного взаимодействия. Обновление законодательства подтверждает изменение формальных правил, но по тексту закона нельзя судить о качестве индивидуальной оценки, соразмерности решений и реальной доступности обжалования (Kosmynka, 2025; Republic of Tajikistan, 2021).

В случае Туркменистана главный аналитический вывод связан с недостатком проверяемой информации. Открытые материалы указывают на значение афганской границы и централизованного контроля, но гораздо меньше сообщают о профилактике и социальной реинтеграции. Узбекистан располагает опубликованной национальной стратегией на 2021-2026 годы и сочетает внутреннюю профилактику с активной региональной дипломатией (President of the Republic of Uzbekistan, 2021; United Nations Office of Counter-Terrorism, 2022). Однако наличие стратегии и здесь не заменяет открытых критериев оценки. В итоге сравнение показывает различия в объеме и качестве доступных подтверждений, а не распределяет страны по единой шкале готовности.

Неравномерность институциональной адаптации

Лучше всего в открытых источниках представлены правовые полномочия, пограничная безопасность, оперативное взаимодействие и международная координация. После 2021 года страны региона расширили контакты по афганскому направлению и продолжили сотрудничество с ООН, региональными организациями и двусторонними партнерами. Ташкентская конференция по реализации Совместного плана действий свидетельствует о политическом признании общего характера рисков (Sarybayev et al., 2026; Tanaka, 2026; United Nations Office of Counter-Terrorism, 2022). Оценивать практические результаты такого сотрудничества трудно, пока государства по-разному определяют предотвращенный эпизод, инцидент в цифровой среде и успешную реинтеграцию.

Профилактические практики развиваются менее равномерно. Работа на уровне сообществ требует доверия, четкого разграничения между оказанием помощи и расследованием, подготовки педагогов и социальных специалистов, а также безопасного порядка направления человека к профильной поддержке (OSCE, 2014; Schmid, 2021). Когда местная организация воспринимается лишь как источник сведений для силовых ведомств, люди реже обращаются за помощью на раннем этапе. В то же время профилактика без оценки конкретной потребности рискует свестись к общему просвещению с неясным эффектом. Открытые материалы редко позволяют проследить весь путь от выявления проблемы до измеренного результата.

Наиболее наглядно межведомственная зависимость проявляется в реинтеграции. Вернувшимся женщинам и детям одновременно могут понадобиться документы, медицинская и психологическая помощь, образование, семейное сопровождение, защита от стигматизации и оценка рисков безопасности. Модель 5R разделяет репатриацию, расселение, реинтеграцию, реабилитацию и достижение устойчивости, подчеркивая, что речь идет о длительном процессе, а не об одном административном решении (Ellis et al., 2024). Обобщенный UNICEF опыт Центральной Азии также подтверждает значение индивидуальных планов и продолжительного сопровождения (UNICEF, 2023). При оценке нельзя считать отсутствие уголовного дела исчерпывающим признаком успеха, как и трактовать социальные трудности как автоматическое свидетельство угрозы.

Наименее полно в открытых источниках отражена оценка результатов. Профилактические программы обычно отчитываются о числе участников, проведенных занятиях и выпущенных материалах. Изменения в поведении, доверии, доступе к помощи и риске повторного вовлечения измеряются значительно реже (Hassan et al., 2022; Madriaza et al., 2025b). Эта проблема характерна не только для Центральной Азии, но ограниченный доступ к данным делает ее особенно заметной. Улучшить сопоставимость можно без раскрытия оперативной информации: достаточно согласовать обезличенные показатели, описывать логику программы и заранее определять период наблюдения.

Таблица 3

Матрица институционального ответа и сохраняющихся разрывов

Функция	Национальный уровень	Региональный и международный уровень	Сохраняющийся разрыв
Выявление	Правовые основания; пограничный и цифровой мониторинг	Обмен уведомлениями и аналитическими материалами	Различия в определениях; риск ложноположительных решений
Координация	Межведомственные процедуры и уполномоченные органы	ООН; региональные форматы; двусторонние каналы	Трудно проследить передачу случая между ведомствами и секторами
Профилактика	Образование; местные органы; религиозная политика; социальные службы	Методическая помощь и проектная поддержка	Чаще измеряется процесс, чем конечный результат
Реабилитация	Индивидуальное и семейное сопровождение вернувшихся граждан	Обмен практиками; помощь женщинам и детям	Разные сроки сопровождения; нет общего набора показателей
Оценка и гарантии	Внутренний контроль; судебные и административные процедуры	Стандарты прав человека; независимые обзоры	Мало открытых сводных данных; ограничена внешняя проверка

Примечание. Матрица обобщает основные направления адаптации, не раскрывает закрытые процедуры и не оценивает работу отдельных ведомств.

Полученные данные частично подтверждают Н2. Формальная и оперативная координация описана полнее и быстрее приспосабливается к внешним рискам. Профилактика и реинтеграция также получили практическое развитие, особенно в работе с вернувшимися семьями. Неравномерность состоит в том, что связь этих мер с сопоставимыми результатами, правовыми гарантиями и независимой проверкой прослеживается хуже. Страны региона накопили значительный набор средств реагирования, но пока располагают менее развитой системой совместного анализа их последствий.

Обсуждение

Результаты показывают ограниченность привычного деления террористической угрозы на "высокую" и "низкую". В условиях Центральной Азии после 2021 года необходимо различать частоту зарегистрированного насилия, подверженность транснациональным рискам и способность институтов обнаруживать переход от одного этапа вовлечения к другому. Редкие атаки могут сочетаться с активными внешними связями, цифровым воздействием и близостью к зоне конфликта. Вместе с тем наличие этих факторов не делает насилие неизбежным. Такое понимание согласуется с многофакторными моделями радикализации и критикой линейных профилей риска (Hafez & Mullins, 2015; Shukuralieva & Lipinski, 2021; Wolfowicz et al., 2021).

Гипотеза Н1 получила поддержку прежде всего как методологическое положение, а не как прогноз. При соблюдении кодекса событийные базы надежно описывают зарегистрированную часть насилия, но не охватывают всю инфраструктуру, которая предшествует нападению (ACLED, 2025; START, 2022). Поэтому оценка должна объединять

три группы показателей: сами события, транснациональные и сетевые связи, а также реакцию институтов. Для каждой группы требуется собственная база сравнения. Например, число удаленных публикаций мало о чем говорит без сведений об общем объеме мониторинга, а количество участников программы не показывает, какая доля целевой группы была охвачена.

Частичное подтверждение Н2 выявляет разрыв между оперативным реагированием и институциональным обучением. Первое обеспечивает быстрый обмен сигналами, задержание подозреваемого или усиление конкретного участка границы. Второе предполагает оценку побочных последствий, сопоставление результата с поставленной целью и корректировку программы. Региональное сотрудничество после 2021 года заметно укрепило возможности оперативного реагирования (Orumbayeva et al., 2025; Tanaka, 2026). Для институционального обучения нужны также данные школ, социальных служб, системы здравоохранения и местных организаций, защищенные ясными правилами работы с чувствительной информацией. Одного расширения полномочий силового ведомства для этого недостаточно.

Предлагаемая модель опирается на три критерия. Первый – адресность: мера должна отвечать на конкретный механизм угрозы, а не на неопределенно широкое представление о "неблагонадежности". Второй – связность: информация из одного сектора передается законным и безопасным способом туда, где человеку можно предложить помощь либо, при наличии оснований, применить правовую процедуру. Третий – проверяемость: обобщенные результаты учитываются при дальнейшем планировании. Совместное применение этих критериев связывает безопасность с легитимностью и обратной связью. Исследования участия гражданского общества в Кыргызстане показывают, что без такой связи формально согласованная программа может быть переосмыслена на местах или потерять доверие сообщества (Pierobon, 2022).

Практический вывод исследования заключается в необходимости согласовать минимальные требования к данным, не создавая нового наднационального рейтинга. Для этого предлагаются пять шагов.

1. Утвердить региональный словарь показателей. Завершенную атаку, предотвращенный эпизод, подтвержденную операционную связь, контакт с пропагандой, направление к профилактической помощи и устойчивый результат реинтеграции следует учитывать отдельно.

2. Разграничить доступ к оперативным и профилактическим данным. Необходимый для безопасности обмен должен сопровождаться минимизацией персональных сведений, установленными сроками хранения, контролем доступа и возможностью пересмотра решения, основанного на оценке риска.

3. Планировать оценку до начала программы: заранее определить целевую группу, исходный уровень, предполагаемый механизм изменений, показатели процесса и результата, период наблюдения и возможные альтернативные объяснения.

4. Выстроить устойчивое межсекторное сопровождение вернувшихся женщин и детей. Вопросы безопасности, здоровья, образования, документов и семейной поддержки должны координироваться, но не сводиться к единому статусу риска.

5. Регулярно публиковать обезличенные обзоры результатов и ограничений. Это позволит обмениваться практическим опытом без раскрытия оперативных сведений и уменьшит влияние единичных громких случаев на публичную дискуссию.

При реализации этих рекомендаций важно учитывать возможный вред расширительного профилирования. Сведения о психическом здоровье, религиозной практике или миграционном опыте нельзя связывать с насилием вне контекста и проверенной процедуры оценки (Gill et al., 2021; Hassan et al., 2022). Для общественной безопасности важны точность решения, своевременная доступность помощи и доверие к институтам, а не максимальное число лиц, отмеченных как потенциально опасные. Поэтому правовые гарантии следует рассматривать как условие эффективности политики.

У исследования есть четыре ограничения. Во-первых, открытые источники не охватывают закрытые оперативные данные. Во-вторых, объем публичной информации заметно различается по странам, что особенно затрудняет анализ Туркменистана. В-третьих, кодирование выполнял

один автор, поэтому оценить межэкспертную надежность невозможно. В-четвертых, исследование устанавливает соответствие между угрозами и институциональными функциями, но не доказывает причинный эффект конкретной меры. В дальнейшем матрицу можно проверить на обезличенных административных данных, дополнить интервью с практиками и представителями сообществ, а процедуру сравнительной оценки закрепить в заранее зарегистрированном протоколе.

Заключение

После 2021 года террористические риски для Центральной Азии не ограничиваются возможным переносом насилия из Афганистана. На них одновременно влияют приграничная нестабильность, внешние сети, цифровая коммуникация, мобильность и возвращение граждан из зон конфликтов. Поэтому статистика атак внутри национальных границ остается важным, но недостаточным показателем. Ее необходимо сопоставлять с данными о транснациональных связях и со способностью институтов распознавать переход от контакта с пропагандой к содействию и насилию.

Пять государств различаются не столько общим уровнем угрозы, сколько сочетанием рисков и возможностей ответа. Наиболее заметные изменения произошли в законодательстве, пограничной безопасности и межведомственной координации. Профилактика и реинтеграция также развиваются, однако их результаты реже представлены сопоставимыми показателями. Главный региональный разрыв сохраняется между готовностью принять меры и возможностью надежно оценить их последствия.

Предложенная матрица позволяет выразить этот разрыв через конкретные задачи: согласование определений, понятный порядок межсекторного сопровождения, планирование оценки до запуска программы, обезличенную отчетность и процедурные гарантии. Для этого не требуется раскрывать чувствительную информацию или перераспределять национальные полномочия. Общие критерии помогут органам безопасности, социальным службам, исследователям и международным партнерам обсуждать не только принятые меры, но и надежность сведений об их результатах.

Финансирование

Данное исследование не получало внешнего финансирования.

Этические аспекты

Исследование основано на открытых документах и публикациях. Оно не предполагало взаимодействия с людьми, сбора персональных данных или какого-либо вмешательства, поэтому одобрение комитета по этике не требовалось.

Доступность данных

Все использованные материалы перечислены в разделе References и доступны по указанным DOI или URL. В рамках исследования не создавался отдельный набор персональных или закрытых данных. Критерии анализа и правила интерпретации представлены в таблице 1.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, который мог бы повлиять на результаты или интерпретацию данного исследования.

Вклад автора

CRedit: Автор осуществил концептуализацию исследования, разработал методологию, провёл исследование и анализ материала, подготовил первоначальный вариант рукописи, а также выполнил рецензирование и редактирование текста.

References:

Akhantayeva, S., & Mussabekova, A. (2024). Religious extremism and terrorism in Central Asia: An overview of radical groups. *Journal of Central Asian Studies*, (4). <https://doi.org/10.52536/3006-807X.2024-4.004>

- Armed Conflict Location & Event Data. (2025). *ACLED codebook*. <https://acledata.com/knowledge-base/codebook/>
- Baruah, P. (2025). The blame game: ISKP and the fog of claim attribution. *Journal of World Affairs: Voice of the Global South*, 1(1), 30-37. <https://doi.org/10.1177/29769442251326409>
- Basit, A. (2023). Afghanistan-Pakistan's radical social media ecosystem: Actors, propaganda comparison and implications. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 15(4), 9-16. <https://www.jstor.org/stable/48743373>
- Binder, J. F., & Kenyon, J. (2022). Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? *Frontiers in Psychology*, 13, Article 997390. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.997390>
- Campbell, L. J., Bunker, P. L., & Bunker, R. J. (2024). The Islamic State - Khorasan Province: An assessment of current operations. *Small Wars & Insurgencies*, Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/09592318.2024.2388897>
- Ellis, B. H., King, M., Cardeli, E., Christopher, E., Davis, S., Yohannes, S., Bunn, M., McCoy, J., & Weine, S. (2024). Supporting women and children returning from violent extremist contexts: Proposing a 5R framework to inform program and policy development. *Terrorism and Political Violence*, 36(4), 425-454. <https://doi.org/10.1080/09546553.2023.2169142>
- Gergilev, D. N., & Izluchenko, T. V. (2024). Sakral'noe nasilie v religioznom terrorizme: Keis Tsentral'noi Azii [Sacred violence in religious terrorism: The case of Central Asia]. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(4), 62-78. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-62-78>
- Gill, P., Clemmow, C., Hetzel, F., Rottweiler, B., Salman, N., Van Der Vegt, I., Marchment, Z., Schumann, S., Zolghadriha, S., Schulten, N., Taylor, H., & Corner, E. (2021). Systematic review of mental health problems and violent extremism. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 32(1), 51-78. <https://doi.org/10.1080/14789949.2020.1820067>
- Hafez, M., & Mullins, C. (2015). The radicalization puzzle: A theoretical synthesis of empirical approaches to homegrown extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 38(11), 958-975. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2015.1051375>
- Hassan, G., Brouillette-Alarie, S., Ousman, S., Madriaza, P., Varela, W., Danis, E., Kilinc, D., Pickup, D., Borokhovski, E., & CPN-PREV Team. (2022). Protocol: Are tools that assess risk of violent radicalization fit for purpose? A systematic review. *Campbell Systematic Reviews*, 18(4), e1279. <https://doi.org/10.1002/cl2.1279>
- Heathershaw, J., & Montgomery, D. W. (2014). *The myth of post-Soviet Muslim radicalization in the Central Asian republics*. Chatham House. <https://www.chathamhouse.org/2014/11/myth-post-soviet-muslim-radicalization-central-asian-republics>
- Institute for Economics & Peace. (2025). *Global Terrorism Index 2025: Measuring the impact of terrorism*. <https://www.visionofhumanity.org/resources/global-terrorism-index-2025/>
- Karimi, Y., Squicciarini, A., & Forster, P. K. (2024). A longitudinal dataset and analysis of Twitter ISIS users and propaganda. *Social Network Analysis and Mining*, 14(1), Article 19. <https://doi.org/10.1007/s13278-023-01177-7>
- Kenyon, J., Binder, J. F., & Baker-Beall, C. (2023). Online radicalization: Profile and risk analysis of individuals convicted of extremist offences. *Legal and Criminological Psychology*, 28(1), 74-90. <https://doi.org/10.1111/lcrp.12218>
- Kosmyinka, S. (2025). Jihadi terrorism in Tajikistan and Uzbekistan: Between domestic constraints and transnational networks. *Eastern Review*, 12(2), 103-118. <https://doi.org/10.18778/1427-9657.12.07>
- Kuznar, L. A., & Day, J. (2022). Hunting for gray rhinos and terrorism in the Middle East, North Africa, and Central Asia. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 15(2), 141-152. <https://doi.org/10.1080/17467586.2021.1983189>
- Li, Z., Li, X., Dong, C., Guo, F., Zhang, F., & Zhang, Q. (2021). Quantitative analysis of global terrorist attacks based on the Global Terrorism Database. *Sustainability*, 13(14), Article 7598. <https://doi.org/10.3390/su13147598>
- Madriaza, P., Hassan, G., Brouillette-Alarie, S., Mounchingam, A. N., Durocher-Corfa, L., Borokhovski, E., Pickup, D., & Paille, S. (2025a). Exposure to hate and violent extremism online and offline: A systematic review. *Campbell Systematic Reviews*, 21(1), e70018. <https://doi.org/10.1002/cl2.70018>

- Madriaza, P., Morin, D., & Hassan, G. (2025b). How rigorous are evaluations of programs to prevent and counter violent extremism? *Terrorism and Political Violence*, Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/09546553.2025.2555221>
- McCauley, C., & Moskalenko, S. (2008). Mechanisms of political radicalization: Pathways toward terrorism. *Terrorism and Political Violence*, 20(3), 415-433. <https://doi.org/10.1080/09546550802073367>
- Mitts, T., Phillips, G., & Walter, B. F. (2022). Studying the impact of ISIS propaganda campaigns. *The Journal of Politics*, 84(2), 1220-1225. <https://doi.org/10.1086/716281>
- Modebadze, V. (2022). Afghanistan under Taliban: A new regime poses a threat to international stability. *Journal of Liberty and International Affairs*, 8(1), 277-291. <https://doi.org/10.47305/JLIA2281277m>
- Moghaddam, F. M. (2005). The staircase to terrorism: A psychological exploration. *American Psychologist*, 60(2), 161-169. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.2.161>
- Molmen, G. N., & Ravndal, J. A. (2023). Mechanisms of online radicalisation: How the internet affects the radicalisation of extreme-right lone actor terrorists. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 15(4), 463-487. <https://doi.org/10.1080/19434472.2021.1993302>
- National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. (2022). *Global Terrorism Database codebook: Inclusion criteria and variables*. University of Maryland. <https://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Codebook.pdf>
- Neumann, P. R., Breuer, N., & Hauser, Z. L. (2025). IS Khorasan: The Turkey nexus. *Studies in Conflict & Terrorism*, Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2025.2554451>
- Omarkhail, I., & Liu, G. (2023). The trajectory of Islamic State Khorasan Province and Afghan Taliban rivalry. *Small Wars & Insurgencies*, Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/09592318.2023.2288450>
- Omelicheva, M. Y., & Markowitz, L. (2019). Does drug trafficking impact terrorism? Afghan opioids and terrorist violence in Central Asia. *Studies in Conflict & Terrorism*, 42(12), 1021-1043. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1434039>
- Organization for Security and Co-operation in Europe. (2014). *Preventing terrorism and countering violent extremism and radicalization that lead to terrorism: A community-policing approach*. <https://www.osce.org/secretariat/111438>
- Orumbayeva, M. S., Mamytov, T. B., & Kurmangali, A. K. (2025). New approaches in combating international terrorism and extremism in Central Asia. *Security and Human Rights*, Advance online publication. <https://doi.org/10.58866/znhx7290>
- Pantucci, R. (2024). Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 16(1), 79-86. <https://www.jstor.org/stable/48756307>
- Pashentsev, E. N., & Bazarkina, D. Y. (2021). ISIS propaganda on the internet, and effective counteraction. *Journal of Political Marketing*, 20(1), 17-33. <https://doi.org/10.1080/15377857.2020.1869812>
- Pierobon, C. (2021). EU efforts to prevent violent extremism by engaging civil society in Kyrgyzstan. *Central Asian Affairs*, 8(2), 150-174. <https://doi.org/10.30965/22142290-bja10019>
- Pierobon, C. (2022). European Union, civil society and local ownership in Kyrgyzstan: Analysing patterns of adaptation, reinterpretation and contestation in the prevention of violent extremism. *Central Asian Survey*, 41(4), 752-769. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1905608>
- Plastun, V. N. (2021). Islamskoe gosudarstvo provintsii Khorasan - ugroza Tsentral'no-Aziatskomu regionu [Islamic State of Khorasan Province - A threat to the Central Asian region]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 20(4), 169-175. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-4-169-175>
- President of the Republic of Uzbekistan. (2021). Ukaz No. UP-6255 ob utverzhdenii Natsional'noi strategii Respubliki Uzbekistan po protivodeistviu ekstremizmu i terrorizmu na 2021-2026 gody [Decree No. UP-6255 approving the national strategy to counter extremism and terrorism for 2021-2026]. *LexUZ*. <https://lex.uz/docs/5491628>
- Qi, Y. (2024). Propaganda in focus: Decoding the media strategy of ISIS. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11(1), Article 1123. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03608-y>

Raza, M. F. (2025). From regional to global Islamic State of Khorasan: Thematic analysis of Voice of Khorasan magazine. *Australian Journal of International Affairs*, 79(5), 671-690. <https://doi.org/10.1080/10357718.2025.2516672>

Republic of Tajikistan. (2021). Zakon Respubliki Tadjhikistan No. 1808 o protivodeistvii ekstremizmu [Law of the Republic of Tajikistan No. 1808 on countering extremism]. *National Center of Legislation under the President of the Republic of Tajikistan*. <https://ncz.tj/content>

Rothut, S., Schulze, H., Hohner, J., Greipl, S., & Rieger, D. (2026). Radicalization and the internet: 25 years of research. *The Communication Review*, Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/10714421.2026.2658935>

Saliev, A. (2024). Aktualizatsiia nasil'stvennogo ekstremizma v Tsentral'noi Azii: Faktor mediatizatsii [Actualization of violent extremism in Central Asia: A factor of mediatization]. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, 4(30), 98-107. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2024-4-098-107>

Sarybayev, M., Zhekenov, D., Rustem, K., Kurmanbek, A., & Kossalbayev, B. D. (2026). Regional security collaboration between Central Asia and China in a changing threat environment. *Frontiers in Political Science*, 8, Article 1670875. <https://doi.org/10.3389/fpos.2026.1670875>

Schmid, A. P. (Ed.). (2021). *Handbook of terrorism prevention and preparedness*. ICCT Press. <https://doi.org/10.19165/2020.6.01>

Sharipova, D., & Beissembayev, S. (2023). Causes of violent extremism in Central Asia: The case of Kazakhstan. *Studies in Conflict & Terrorism*, 46(9), 1702-1724. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1872163>

Sharipova, D., & Kudebayeva, A. (2026). The role of religion in shaping perceived security in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 17(1), 183-201. <https://doi.org/10.1177/18793665251388117>

Shukuralieva, N., & Lipinski, A. (2021). Islamic extremism and terrorism in Central Asia: A critical analysis. *Central Asia and the Caucasus*, 22(1), 106-117. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.10>

Soliev, N., & Pantucci, R. (2021). Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 13(1), 86-94. <https://www.jstor.org/stable/26979987>

Stepanova, E. (2022). Russia, Central Asia and non-traditional security threats from Afghanistan following the US withdrawal. *Global Policy*, 13(1), 138-145. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13058>

Tanaka, A. (2026). Counter-terrorism cooperation in Central Asia after the Taliban's takeover of Afghanistan: Strategic and institutional adaptation. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 14(2), 304-329. <https://doi.org/10.1080/24761028.2026.2654333>

Tucker, N. (2022). Foreign fighters, returnees and a resurgent Taliban. *Security and Human Rights*, 32(1-4), 69-82. <https://doi.org/10.1163/18750230-bja10010>

Tuleyev, M. S. (2026a). Ugrozy i riski mezhdunarodnogo terrorizma v stranakh Tsentral'noi Azii [Threats and risks of international terrorism in Central Asian countries]. *Bulletin of Ablai Khan University of International Relations and World Languages. Series: International Relations and Regional Studies*, 64(2). <https://doi.org/10.48371/ISMO.2026.64.2.014>

Tuleyev, M. S. (2026b). Usilenie aktivnosti mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizatsii v Tsentral'noi Azii v srednesrochnoi perspektive [Growing activity of international terrorist organizations in Central Asia in the medium term]. *Kazakhstan-Spectrum*, 114(1). <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.010>

Tuleyev, M., Axakalova, M., Kagazbaeva, E., & Imanbayeva, A. (2025). International terrorism as a threat to the security of Central Asian states. *Space and Culture, India*, 13(1), 58-72. <https://doi.org/10.20896/pkgf6850>

U.S. Department of State. (2024). *Country reports on terrorism 2023*. <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2023/>

United Nations Children's Fund. (2023). *Repatriation and reintegration of children affected by conflict in Syria and Iraq to Central Asia*. <https://www.unicef.org/eca/media/28856/file/Repatriation%20and%20reintegration%20of%20children%20affected%20by%20conflict%20in%20Syria%20and%20Iraq%20to%20Central%20Asia.pdf>

United Nations Office of Counter-Terrorism. (2022). *Tashkent high-level international conference: Regional cooperation among Central Asian states within the framework of the Joint Plan of Action*. https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/tashkent_2022_conference_report_fin.pdf

United Nations Security Council. (2024). *Thirty-fourth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team (S/2024/499)*. <https://docs.un.org/S/2024/499>

Vergani, M., Iqbal, M., Ilbahar, E., & Barton, G. (2020). The three Ps of radicalization: Push, pull and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 43(10), 854-854. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1505686>

Winter, C., Neumann, P. R., Meleagrou-Hitchens, A., Ranstorp, M., Vidino, L., & Furst, J. (2020). Online extremism: Research trends in internet activism, radicalization, and counter-strategies. *International Journal of Conflict and Violence*, 14(2), 1-20. <https://www.ijcv.org/index.php/ijcv/article/view/3809>

Wolfowicz, M., Litmanovitz, Y., Weisburd, D., & Hasisi, B. (2021). Cognitive and behavioral radicalization: A systematic review of the putative risk and protective factors. *Campbell Systematic Reviews*, 17(3), e1174. <https://doi.org/10.1002/cl2.1174>

МРНТИ: 11.15.89

DOI: <https://doi.org/10.51889/2959-6270.2026.95.3.015>

Бактыбай А.О.^{1*}

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая

г. Алматы, Республика Казахстан

*e-mail: baktybai_a@mail.ru

РОЛЬ МЕДИА В АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация

Результативность антикоррупционной политики зависит не только от правовых запретов и уголовного преследования, но и от того, какая информация достигает граждан и превращается ли публичность в требование подотчётности. Цель исследования - определить, как казахстанские медиа фреймировали реорганизацию антикоррупционных институтов в 2025 году и в какой мере освещение активировало механизмы, связывающие публичность с общественным контролем и политической подотчётностью. Применён качественный встроенный кейс-дизайн: документальный анализ правовых актов и международных оценок объединён с исследованием 15 материалов на казахском и русском языках, опубликованных с 30 июня по 17 июля 2025 года и отобранных методом целенаправленной максимальной вариации. Материалы кодировались дедуктивно-индуктивно по жанру, доминирующему фрейму, структуре источников и четырём звеньям цепочки подотчётности: видимость, интерпретация, оспаривание и институциональный ответ. Девять публикаций представляли собой оперативные новости, преимущественно пересказывавшие официальные документы; лишь шесть обсуждали причины, риски и альтернативные оценки. В пяти материалах присутствовал негосударственный эксперт или представитель гражданского общества, однако ни одна публикация не включала голос обычных граждан или конкретный маршрут участия в общественном контроле. Следовательно, медиа эффективно обеспечили видимость институционального изменения, но слабо преобразовали публичность в завершённый цикл подотчётности. Новизна исследования состоит в анализе реального медиаконтента и его потенциальных последствий для подотчётности, тогда как предыдущие казахстанские работы измеряли главным образом самооценку аудитории. Практическая ценность заключается в предложении публичных карточек ответа государственных органов,